

Тетрадный листок грезил
 с детства стать птицей...
 Что делать, когда ты не смог ей
 родиться?
 Смеялись над ним и блокнот,
 и альбом,
 и ручки, и циркуль в портфеле моем.
 Пойми, ты ведь нужен —
 для чистописанья!
 И скрепкой прошит.
 И в листе ожиданья
 для умных речей. Чтоб когда-то
 потом
 в корзину попасть... что стоит
 под столом.
 И где же ты видел пернатых
 без крыльев?

Без крыльев взлететь в облака
 непосильно!
 Промокнешь и в грязь упадёшь,
 что тогда?
 На воле тебя ожидает беда.
 Конечно, я знаю, но дело всё в том,
 что с детства мечтаю я стать...
 журавлём!!!
 И вдруг я подумал — ведь мне
 тоже снится,
 что я над землёю парю,
 словно птица.
 Сложил и разгладил его, а потом
 по ветру пустил в дальний путь...
 журавлём.

Галина Балебанова — член Союза писателей России, лауреат премии «За искренность в поэзии, вклад в развитие просветительской деятельности и вклад в популяризацию творческого наследия великой русской поэтессы Марины Цветаевой» благотворительного Фонда «Просвещение. Традиции. Культура». Награждена орденом «За вклад в литературу России XXI века» (2020), дипломами и памятными медалями И. Бунина «За верное служение отечественной литературе», А. Блока «Покой нам только снится», лауреат VI Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2020». Обладатель Алмазного Дюка на Международном конкурсе Дюка де Ришелье-2020. Постоянный участник Дней Русской книги в Париже (презентация книг и встречи с читателями), выступала в Российском центре науки и культуры в Брюсселе, в Доме-музее М. Цветаевой (Париж), поэтические вечера в городах России (Москва, Петербург, Калининград, Калужская область, Рязанская область, Казань, Елабуга, Ангарск, Кемерово). Автор сборников стихов «Как грустно пел аккордеон» (М., 2015), «Апрель в декабре» (книга на французском языке, Париж, 2017), «Жизнь не в розовом цвете» (2019, книга на русском и французском языках посвящена М. Цветаевой, Париж, 2019), «Собака Павлова» (М., 2020), «Орлом или решкой» (М., 2021), «Сны, разбитые оземь» (Гдыня, Польша, 2021, на польском языке).

* * *

Пункт назначения рупор оглашал,
пел Варшавянку старый
репродуктор.
«Наш поезд прибывает на вокзал,
берите вещи!» — торопил кондуктор.

И пассажиры с сумками в руках,
с узлами и вещами на загривке
толкались кучно спинами в дверях
(возможно, взяв чужое по ошибке).

Носильщики сновали между тел,
горланили разносчики съестного,
сбывали провиант тем, кто не ел —
кому ещё трястись полдня до дома.

Обшарпанный от ног людских,
перрон,
истоптанный чужими сапогами,
завистливо оглядывал вагон —
тот, что стоял всё время
под парами.
Счастливчик отправлялся снова
в путь,
колёсами перебирая рельсы.
Ну а перрон мечтал когда-нибудь
исколесить вдоль города и веси.

«Досадно, — с раздраженьем
размышлял, —
ну почему — одним всё
и бесплатно!?»
А он лет сто недвижимый лежал
на том же самом месте,
весь в заплатках.

И видел всё один и тот же сон,
то был прекрасный сон!
Он был всех краше:
Перрон... поехал, но стоял... вагон,
и пассажиры в след руками машут.

Мираж растаял
в предрассветный час,
и он увидел снова пред собою,
как дворник выметал
с перрона грязь
потрёпанною старою метлою...

* * *

Кокетливо красуясь на мундире,
она несла особый статус свой.
Ей повезло в суровом этом мире —
родиться под счастливою звездой.

С простужками она не водит дружбу:
куда в Калашный ряд
с таким лицом?!
Ей кланялись за доблестную службу
и любовались золотым гербом.
И глаз не смея отвести в поклоне
от VIP персоны, среди других чинов,
ловили благосклонность
в каждом слове.

Она ж на ветер не бросала слов.
В бою над ней не раз свистели пули,
но — уверяла — ей не ведом страх.
Пока одни на дядю спину гнули
она крепила мощь на тех полях.

И так бы и жила, не зная горя,
пока однажды бравый генерал
не снял мундир старинного покроя
и в душный шкаф навечно не убрал.
Уж не звучат трубы походной звуки
и светских вечеров круговорот.
А рядом зло судачили подруги
и восклицали: «Ах, какой афронт!»

А ей был так опасен запах пыли
и нафталина дух и забытьё.
Уж не она, уже над ней шутили:
«Пора в металлолом, в расход,
в литьё!»

Не ищут дружбы с ней.
И с видом важным
при встрече не берут под козырёк.
Как дороги места в ряду Калашном
у каждой ПУГОВИЦЫ в нём
свой век и срок.

* * *

Зачем мне лошадь, —
думала телега, —
ведь у меня четыре колеса!
Ну, а зимой полозья есть для снега,
я обхожусь без сена и овса.
Зараз я увезу поклажи столько,
что не тягаться лошади со мной.
А от неё, уставшей, много ль прока?
Лишь только деньги платим
за постой.

Мне надоело быть всегда второю
и видеть пред собою хвост и зад.
Теперь желаю быть Я — головою!
А лошадь, если ставить, то назад.

Мужик, послушав рассказы телеги,
сказал ей... А и вправду же хитро...
На лошадь трачу я такие деньги,
хотя телега возит мне добро!?
С утра пораньше на базар собрался:
теперь-то, наконец, пойдут дела.
Но, как ни понукал, как ни старался,
телега даже с места не сvezла.

* * *

Зацепилась за край карниза,
и теперь — ни туда, ни сюда.
И повисла шапкой книзу
туча — синяя борода.
Надорвался край тёплой шубы
и никак не давал лететь.
Туча сильно надула губы,
собираясь навзрыд зареветь.
Неожиданно звук необычный

выливался в сад сквозь окно —
о любви смычок скрипичный
пел...

И горе тучи прошло.
С той поры, как только слезами
наполнялись её глаза,
прилетала к окну...

и часами
нежный голос смычка ждала.

Люди в городе волновались:
нет дождя уже целый год.
И толпой под карниз собирались,
где для тучи смычок поёт.
Все её умоляли, просили
хоть немного для сада дождя.
Только все уговоры бессильны —
разлучить влюблённых нельзя.

Время шло, но случилось счастье,
словно кто-то исправил ошибку —
стал садовником в одночасье
наш скрипач.

И оставил скрипку.
С той поры, как это ни странно
(все об этом сейчас говорят),
щедрый дождь каждый день исправно
поливает роскошный сад.

* * *

Рассказ мой — притча о предмете,
который жил здесь много лет.
Его любили даже дети,
а смастерил когда-то дед.
Смолистый, терпкий, вязкий запах,
олифы бронзовый загар.
Как царь зверей на мощных лапах —
надёжный, как кавалергард.
Не кабриоль и не кьявари,
трон Дагоберта?
Вовсе нет!
Его в семье все величали:
незаменимый табурет.

Однажды хаосом предметов,
загадочным дыханьем грёз
одним штрихом шипов и цвета
встревожил дом... букет из роз.
Пахнуло свежим ароматом,
нарушив прежней жизни быт.
Он пышным был и франтоватым,
и вид цветущий глаз слепит.
В углях шушукались, шептались:
— Как эти розы хороши!
И рдел бутонів шёлк на зависть —
вот только колются шипы...

В тени букета на паркете
вдруг затерялся и померк
знакомый профиль табурета,
что был готов на всё, для всех.
Под шелест лепестков увядших
он очень тонко дал понять:
уж лучше скромно и без фальши,
не формой, а душой сиять.
Всё пыль, всё тлен и даже розы,
что серых будней красят цвет.
Есть в празднике немного прозы...
Куда надёжней табурет.

* * *

«В сезоне этом в моде яркий цвет, —
сказала кисть малярная забору. —
Ты хоть щербат, и стар, и лоска нет,
покрась так, что и жениться впору.
Мне и работы тут всего на день:
мазком широким вмиг — туда,
обратно.
И тень не навести на твой плетень —
и сразу будешь выглядеть богато.»

«Куда уж мне, какой защитник я?
Весь в нецензуре, покосились балки,
калитка и штакетник так скрепят,
что лают все дворовые собаки.
Чтоб опирались на меня опять,

чтоб дому снова стать щитом
надёжным
малярной кисти — имидж
не поднять —
народ стал нынче слишком
осторожным.
Мне плотник нужен с крепкою
рукой,
а то держусь уже на честном слове.
Ну, а потом всё дело за тобой —
закрасить гнев народный на заборе.»

* * *

Она гордилась линией плеча,
любила роскошь в доме и уют.
Писец, лионский бархат и боа
ей так безоговорочно идут.
За хрупкостью скрывался
нрав крутой —
хоть помогала каждому, без слов.
Всегда в любое время под рукой —
для толстосумов и для бедняков.
Но всё ж и у неё — кто ж виноват —
случались драмы.
Часто поутру
срывали с плеч её ночной наряд
фамильярно.
Так, не по нутру!
Кому бы эту боль свою излить?
И дело тут не в разнице полов.
И вешалке приятно дамой слыть...
Хоть дом её —
обычный гардероб.

* * *

Прощальным стоном
прозвучала нота
и стихла.
Словно жизнь оборвалась
дряхлающего, старого фагота —
сторел на службе благородный бас.
Весь век играет в духовом оркестре

и на лету срывал панамки
с весёлой шумной детворы,
которая играла в прятки.
Из рук почтенных стриков
бесцеремонно рвал газеты.
Вихрь из печатных лепестков
писал забавно пируэты.
Взмывали вверх всё выше, выше
«Советский спорт», «Гудок» и «Труд».
А ветер спрятался на крыше,
чтобы немного отдохнуть.

Тут взгляд его неосторожно
увидел мельком среди других
Девчонку — юбочка в горошек,
в веснушках рыжих озорных.
Соблазна — разглядеть поближе

увы, не смог он избежать.
Спускаясь лихо, с самой крыши,
так трудно силу рассчитать.

И вдруг от ветра — что за шутка? —
Какой пассаж, какой скандал!
От ветра так взлетела юбка,
что выше всякого рассудка.

Хотя мы все без предрассудков,
но ветер эту злую шутку
с девчонкой юною сыграл.

От этой сцены миг смущенья
лицо румянцем заливал.
А ветер вновь (без приглашенья)
к утру на том же месте ждал.